УДК 30.304.9.

МИФЫ В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКЕ

Ершов Юрий Геннадьевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация
Рассматриваются природа и основные черты мифа, их выражение в современных идеологических мифах. Анализируются тенденции мифологизации идеологии и политики в современной России.

Ключевые понятия:
миф,
идеология,
власть,
политика.

В 2009 г. была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Спустя три года Комиссию распустили, пусть и запоздало, отреагировав на очевидную нелепость ее названия. Но сама проблема «фальсификации» истории никуда не исчезла.

Один из вариантов ее решения описал Дж. Оруэлл, характеризуя деятельность Исторического Отдела (подразделения Министерства Правды), главной задачей которого была тотальная идеологическая обработка населения путем ежедневного переписывания истории. Единство общества и государства обеспечивалось благонадежностью, означающей отсутствие сознания, отсутствие потребности думать. Для этого «…процесс непрерывных изменений применялся не только к газетам, но также к книгам, журналам, брошюрам, плакатам, листовкам, фильмам, звукозаписям, карикатурам, фотографиям – словом, к любой литературе, к любым документам, которые могли иметь хоть какое-нибудь политическое или идеологическое значение. Каждый день, практически каждую минуту прошлое приводилось в соответствие с сегодняшним днем» [4, с. 35]. Антиутопия Оруэлла в чистом виде раскрыла механизм идеологической легитимации политического режима в тоталитарном государстве.

Оруэлл снова становится актуален в связи с попытками реставрации в современной России времен «морально-политического единства партии и народа». Об этом свидетельствуют попытки реабилитации Сталина, отрицания секретного приложения к пакту Молотова–Риббентропа, катынского расстрела и многие другие, иногда «геростратовские» инициативы, восстанавливающие мифологию советского авторитаризма. Об этом говорит и новая «старая» риторика политических деятелей, чиновников, СМИ. В ходу ярлыки «пятой колонны», «иностранных агентов», «национал-предателей». Складывается впечатление, что лишь тонкая грань отделяет от возврата в обиход термина «враг народа».

Происходящее убеждает, в первую очередь, в одном – углублении кризиса власти, пытающейся компенсировать провалы в управлении, не говоря уже о модернизации общества, максимальной политико-идеологической поддержкой населения России. Испытанное средство легитимации власти – мифология, с помощью которой сакрализуют вполне утилитарные цели. Публичная святость современных мифов

призвана объединить общество, их внутренняя интенция – оправдать коррупцию высших эшелонов власти, произвол силовых структур, грабительскую приватизацию и т.д.

Мифы, модифицируясь и видоизменяясь, сопровождают всю человеческую историю – от архаики до сегодняшнего дня. Политические коллизии последних лет подтверждают важную роль мифологических сюжетов в политической риторике, пропаганде и информационных войнах. Более того, кризисное состояние общества (нестабильность, социально-психологическая растерянность и тревога, отсутствие ясных ценностных ориентиров и т.п.) активизирует мифологическое мышление. Реставрируются старые и создаются новые мифы. Мифологизация массового сознания и политической идеологии ведет к весомым практическим последствиям, вызывающим неоднозначные оценки – от превосходных до негативных.

Позитивный подход опирается на идею Г. Лебона о национальной мифологии как «душе народа». Здесь миф выступает основой формирования и жизни национального самосознания, он создает солидарность народа и государства, наполняет смыслом жизнь отдельного человека. Исторические события становятся значимыми для потомков и передаются эстафетой поколений, будучи вписаны в структуру национального мифа. «Мифология нации – это иносказательный образ ее нравственного идеала, ее «крови» и «почвы», это аллегорическая автобиография нации» [5, с. 84]. Этот образ включает в себя и исторический пантеон национальных героев, и определенную версию национальной истории.

Мифы превращают события и персоны в кумиров, в ценности, вызывающие или преклонение и возвышенный пафос, или внушающий ужас и ненависть. В известном смысле история народа – это миф, создаваемый им о самом себе, а исторические события – строительный материал для мифа. Как отмечает Г.С. Полосин, «народ является единственным и подлинным субъектом мифотворчества, поскольку произвольно рожденная элитой символическая история может стать мифом только в случае и по мере своего общественного признания в качестве истинной иносказательной истории» [5, с. 32]. Отличия одного народа от другого, в конечном счете, фокусируется в мифотворчестве, выражающем его национальную идентичность. Оно служит залогом его существования в истории, воспроизводится как историческая традиция. Особую роль в национальной мифологии играет представление общества о своей исторической миссии и месте в истории, становящееся национальной идеей. Тем самым национальная мифология становится основным духовным стержнем полнокровной жизни народа.

В этом подходе к мифу полно выражен возвышенный, героический пафос органического единства народа и государства, единства в их истории побед и свершений. Но, как не бывает истории без триумфов и достижений, точно так же не бывает истории без поражений и позорных пятен. Замалчивание или искажение исторической правды мифами ведет к беспамятству, обреченности на повторение ошибок прошлого, ведущих к трагическим коллизиям. Дорогой платой оборачивается следование за историческими миражами, а прошлое, превращенное в мавзолей, омертвляет культуру и лишает общество поступательной динамики. Чувство утраты стабильности и цельности социальной жизни порождает бессознательное стремление обрести в будущем далекое прошлое – «золотой век»; желание придать осмысленность настоящему, вернуть социальный и личный комфорт, продуцирует мифотворчество. Мифы начинают кодировать представления, связанные с высшими ценностями, и полностью подчиняют весь опыт личности и общества безусловному, то есть, исключающему какое-либо сомнение господству Абсолюта. Возникает парадокс: рационализации повседневности, «расколдовыванию» современного мира противостоит «реинкарнация» мифологии, сакрализующей вполне утилитарные цели. Эта сакрализация нацелена на гармонизацию отношений государственного целого и личности, социальных групп и слоев, путем клиширования смысловых связей и подавления критических функций сознания. При этом сужаются возможности творческого развития, отнимается свобода самоопределения человека по отношению к любой социальной и политически значимой ситуации.

Именно поэтому, рассматривая сохранение мифологии в культуре как рудимент традиционного общества, А.С. Ахиезер давал негативную оценку мифологизации общества. Он считал, что в критических ситуациях жизни государства именно благодаря мифологии отбрасываются и разрушаются более высокие формы культуры и соответствующие им общественные от-

ношения. В его трактовке структурообразующим фактором формирования мифов (и массового сознания) является инверсия, противостоящая как форма мышления и поведения рационализму либеральной цивилизации [1, с. 192–193]. Смыслообразования инверсии заключены в рамки абсолютизации противоположностей (без попыток их примирения), персонификации Зла и Добра, оборотничества мира («все превращается во все»), монолога как способа воспроизводства культуры. Все эти (и многие другие) черты традиционной, мифологизированной культуры противоположны медиации как способу создания «срединной», диалогической культуры демократического гражданского общества. Другими словами, в этой концепции миф как этап и форма культуры сведен к эмоциональной, бессознательно-иллюзорной стороне жизнедеятельности людей.

«Просветительская» трактовка мифа как иллюзии сегодня значительно скорректирована. Доказано, что природа мифа не в достоверности, не в логической доказательности, мифологическая картина мира требует ее безусловного принятия на основе религиозной или квазирелигиозной веры. Отсюда – некритичность мифологического сознания, его аксиоматичность и неверифицируемость – для носителей мифа нет фактов, способных опровергнуть миф. Миф обладает принудительной силой воздействия и собственной логикой существования. Сопротивляясь рационализации, он сохраняется даже в сознании интеллектуальной элиты общества, даже при достаточно высокой степени развития самосознания общества в целом. Словом, устойчивость мифа не зависит от его «иллюзорности».

Миф игнорирует элементарные логические противоречия, упрощенно трактует мотивы поступков и причинно-следственные связи, сложность действительности подменяет схемой. Мифологическое сознание подчинено власти инстинктов, чувств и эмоций. «Мифологический сюжет, – замечал Э.Я. Голосовкер, – независимо от того, имеем ли мы дело с эпической или драматической традицией, и есть воображаемая, имагинативная действительность, выражающая смысл всего существующего с его чаяниями, страстями… Цель жива и скрыта в самом смысле мифа. Но система отношений и связей в этой воображаемой, имагинативной действительности иная, чем в действительности, к которой прилажен наш здравый смысл… категории, лежащие в основе логики воображения, будут иными, чем категории формальной логики здравого смысла» [2, с. 18, 19]. Например, в конце апреля 2015 года Непал постигло ужасающее по своим масштабам и человеческим жертвам землетрясение. Непальцы случившееся прочно связывают со стриптизом, которые устроила группа европейцев во время спуска с Эвереста, тем самым разгневав духов гор. Е. Шейгал обращает внимание на обстоятельство, отмеченное Б.Ю. Норманом, – крейсер «Аврора» стрелял из одного орудия, но официальная пропаганда и система образования создали стереотип: начало новой эры ознаменовано *залпом* «Авроры». Обыденный выстрел с помощью универсального лингвистического механизма мифообразования – гиперболизации, превратился в торжественный залп! Развивая эту мысль, автор отмечает: «…в данном случае имела место не только денотативная (один – много), но и коннотативная гиперболизация (индуцирование и усиление эмотивности). Все это, вместе с переключением стилистического регистра и изменением тональности (обыденная – возвышенная), способствовало формированию идеологической коннотации («наш»): «наш» *залп «Авроры»* известил о начале «нашей» революции» [6, с. 135].

Миф иррационален, поскольку в его содержании из двух противоречащих суждений оба могут быть истинными и оба могут быть ложными одновременно. Более того, между ними может быть нечто третье, семантически не редуцируемое к противоположностям. Таковы не только архаические, но и современные мифы, соединяющие в единое целое Ленина – организатора террора против духовенства, и православную Церковь.

Идеология «заимствует» у мифа его важнейшее свойство – переживая миф, индивид принимает участие в его воссоздании, в интеграции общности, в воплощении идеала, несущего программу ликвидации конфликтов и противоречий, предотвращения инакомыслия и девиантного поведения. Поэтому основная функция идеологического мифа – служить инструментом адаптации к противоречиям общества социальных групп, не способных рационально воспринимать социальную действительность и анализировать сложные ситуации.

Программируя специфическими кодами нужные типы социальных коммуника-

ций, идеология «симулирует» реальность, создает матрицу предопределенных выборов и предпочтений. В идеологическом структурировании социальной действительности функцию кодирования выполняют именно мифы – главные инструменты превращения публики в «некритично мыслящую массу».

Массы, не готовые, и не желающие вникать в логические аргументы и доказательства, гипнотизируются языком аллегорий и мифологем. Долговременный характер действия политических мифов обусловлен изощренным использованием полуправды или полулжи. В некоторых случаях они базируются на откровенных подделках, но богатство исторических сведений позволяет произвольно интерпретировать и подлинные факты. Инфантильное массовое сознание под воздействием чувств и эмоций разной природы (страх, беспомощность, месть, ненависть и т.д.), спонтанно реагируя на события, неспособно различать реальность и вымысел. Вот почему мифологическому сознанию бессмысленно предъявлять упрек в неусвоенных уроках истории.

Интенции массового сознания подхватываются идеологами, профессионалами, умеющими создавать и толковать аллегории, гиперболы, лжемифы. С их помощью происходят трансформации социального опыта в коллективной памяти общества, украшающие или камуфлирующие идейные основы социального неравенства, закрепленного государственным принуждением, в том числе и насилием. Аналогичным образом действуют и идеологи социального протеста, разумеется, с другим ценностно-смысловым вектором своих идей. Правда, у «придворных» мифологов есть несомненные преимущества – политические и технические, для распространения своих версий исторических событий и персонажей.

«Крымский консенсус» временно оттеснил протестную мифологию на периферию. Из публично-политической риторики практически исчезли мифологемы «демократии», «правового государства», «гражданского общества». Концепт «прав и свобод человека» все чаще подвергается разгромной критике как цивилизационно чуждый России. Вытесняется на периферию едва начавший формироваться ресурс гражданской активности и деформируется представление о ценностях, составляющих понятие «гражданин», которое ещё несколько лет назад имело вполне реалистичное содержание, о чём свидетельствовали данные социологических опросов [3. С. 69]. В подобном положении нет ничего сверхъественного, это реальность, которую невозможно радикально изменить или ликвидировать. Германии понадобилось второе сокрушительное поражение в мировой войне для преодоления идеологических мифов тевтонизма с их агрессией и идеями военного реваншизма. Национальное покаяние за чудовищные преступления нацизма послужило залогом демократического и правового развития немецкого государства и преодоления «Веймарского» комплекса.

Теперь похожий опыт предстоит пережить нам. Предсказанная рядом теоретиков угроза появления «Веймарской» России сбылась. Появилась страна, униженная поражением в «холодной» войне, потерявшая значительные территории, потерпевшая развал экономики, крах ценностей и идеалов.

Национальное унижение всегда болезненно, сопровождаясь острым чувством утраты прежней гармонии Космоса национальной культуры. Оно создает мощную потребность в национальном самоуважении и самоидентификации, определении друзей и врагов во внешнем окружении.

«Реформаторам» не удалось создать конструктивную мифологию модернизации общества, сочетающую ценности и идеалы прошлого и будущего, объединенные вектором созидания, человечности и личностного развития. Либеральный миф быстро обнаружил плохую приживаемость на российской «почве», мифологическое сознание обратилось к прошлому. Ответом на разрушительные последствия бездумного заимствования подонков западной культуры и отвержения творческих начал отечественной культуры стала консервативная реакция. Отвечая на потребность в самосохранении национальной культуры, она, в силу преимущественно инверсионного характера отечественной культуры, приобретает знакомые охранительные черты.

Поэтому вполне закономерно из глубин истории начинает подниматься и дает о себе знать застарелый невроз своеобразия, постепенно восстанавливающий привычную мифологическую форму. Первоначальная психология «избранной общей травмы» сменяется психологией «избранной общей славы», мифологизирующей действительные или мнимые исторические события триумфа над врагом. В ней

все явственнее проступают типичные черты идеологии и массового сознания общества «сорванной» модернизации. Подчеркнем, пока они существуют в виде тенденций, но фактов, свидетельствующих об их неслучайности, становится все больше.

Во-первых, это приоритет прошлого перед настоящим, особенно рельефно проявившийся в праздновании 70-летия Великой Победы. Сакральный смысл колоссальных человеческих потерь и невероятного напряжения народа, того, что справедливо называется подвигом народа в Великой Отечественной войне, оборотной стороной торжеств имеет явное подтверждение единства власти и общества как в прошлом, так и в настоящем. Неявное же обнаруживается в единичных (пока) попытках запретить обсуждение цены Победы. Речь идет о том колоссальном количестве жертв, обусловленных массовыми репрессиями в армии, обезглавившими ее, бездарной попыткой переиграть Гитлера в предвоенный период и многим другим. Перенос акцента в мифологии войны только на Победу (а не на окончание войны) означает фактическую реабилитацию Сталина. Реабилитация Сталина открывает оправдание государственного террора и мифа о мудром государственном вожде, победителе в войне, «эффективном менеджере». Противоположный взгляд о Сталине как параноике, убийце и организаторе массового террора, уничтожавшего собственный народ, становится «очернением» истории.

Героизация истории свидетельствует, помимо прочего, об отсутствии у властвующей элиты проекта будущего, целеполагания духовных и социальных практик поступательного развития общества. Сакральность же народного подвига служит верным средством подавления оппозиции, диссидентов, ученых как святотатцев и кощунников. Здесь снова уместно вспомнить Дж. Оруэлла и приемы тотальной и безжалостной пропаганды «ангсоца». Герой «1984» Уинстон достает с полки бутылку бесцветной жидкости с простой белой наклейкой («Джин Победы»), вытаскивает сигарету из смятой пачки (они также назывались «Победа»), «из какого-то подъезда пахнуло ароматом настоящего кофе, не кофе «Победа» [4, с. 10, 65].

Во-вторых, это возврат к традиционному доминированию государства над личностью, предпочтение государственности (высшей формы социального единства) перед иными формами социальной самоорганизации гражданского общества. Отсюда же – превосходство самобытной «почвы» по отношению к рационализму и универсализму интеллектуальной элиты.

В-третьих, это реставрация идеи исключительности собственного государства (нации, народа, религии, истории и т.д.), в крайних случаях доходящая до идеи богоизбранности. Культивирование собственного совершенства и безупречности происходит через сложные культурно-психологические механизмы, через систему прямых, косвенных и обратных средств и приемов, приобретающих агрессивную форму. Энергетика этой идеи создается и подпитывается убеждением в деградации творческих сил нации (государства, цивилизации) соперника. Собственная духовная уникальность стандартно противопоставляется утилитаризму или извращенным моральным принципам экономически и технологически доминирующей цивилизации Запада. По отношению к менее развитым государствам собственное превосходство рассматривается как само собой разумеющееся.

Наконец, пусть и в более слабой форме, чем коммунистическая идея, прослеживается попытка снова обосновать мессианскую и эсхатологическую утопию спасения мира в целом, удивительным образом сочетающуюся с пренебрежением к каким-либо практическим действиям по преображению собственной страны.

Социальный идеал как должное не может быть выведен из сущего, он утверждается моделями мифологического мышления. Но мифы вечны и неизменны только в застойном обществе, современная мифология может и должна соотноситься с историческими фактами, при необходимости переоценивать свои символы и ценности. Исходя из безусловной идеи о губительности лжи, сомнительных чудес или проповеди собственной непогрешимости для «уважающей себя религии», В.С. Полосин ставит принципиальные вопросы: «Может ли пострадать вера во Всемогущего Бога от того, что верующий, обратясь к подлинной истории, установит, что благословение Православной Церкви князю Московскому Димитрию на Куликовскую битву – идеологический миф? Зависит ли вера в Бога от того факта, что князь посещал обитель св. Сергия до начала похода Мамая, а на битву вышел, будучи отлученным от Церкви митрополитом всея Руси Киприаном с проклятием, как Лев Толстой или Глеб Якунин? Не пострадает вера во

Всемогущего Бога и от того, что верующий узнает, что праздник Покрова Богородицы установлен в честь убийства русских воинов и поражения Руси, ибо праздники устанавливает не Бог, а жреческая каста» [5, с. 14].

Национальная мифология, обеспечивая духовное единство народа и государства, устремленная в будущее, не может опираться на заведомую ложь и практики ксенофобии, преследования инакомыслящих, романтизации социальной отсталости, оправдания государственной политики изоляционизма.

В ином случае очередная утопия способна привести российское общество к жестокой и трагичной развязке.

1. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь) [Текст] / А.С. Ахиезер. Том III. М.: Изд-во ФО СССР. 1991. XXXIX. 470 с.

2. Голосовкер, Э.Я. Логика мифа [Текст] / Э.Я. Голосовкер. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 218 с.

3. Зырянов, С.Г. Гражданское общество в современной России: состояние и перспективы развития (региональный аспект): Монография [Текст] / С.Г. Зырянов, О.В. Осипов. Челябинск: Челябинский институт (филиал) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2010. 194 с.

4. Оруэлл Джордж. 1984. Скотный двор. Сказка [Текст] / Джордж Оруэлл. Пермь: Издательство «КАПИК», 1992. 394 с.

5. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство [Текст] / В.С. Полосин. М.: Ладомир, 1999. 440 с.

6. Шейгал, Е. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. Шейгал. М.: ИТДГК «Гнозис». 2004. 326 с.

References

1. Ahiezer, A.S. (1991) Rossija: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnyj slovar'). Tom III. M.: Izd-vo FO SSSR. XXXIX, 470 p. [in Rus].

2. Golosovker, Je.Ja. (1987) Logika mifa. M. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 218 p. [in Rus].

3. Zyrjanov, S.G., Osipov O.V. (2010) Grazhdanskoe obshhestvo v sovremennoj Rossii: sostojanie i perspektivy razvitija (regional'nyj aspekt), Cheljabinsk: Cheljabinskij institut (filial) FGOU VPO «Ural'skaja akademija gosudarstvennoj sluzhby», 194 p. [in Rus].

4. Orujell Dzhordzh (1992) 1984. Skotnyj dvor. Skazka. Perm': Izdatel'stvo «KAPIK», 394 p. [in Rus].

5. Polosin, V.S. (1999) Mif. Religija. Gosudarstvo. Moscow, Ladomir, 440 p. [in Rus].

6. Shejgal, E. (2004) Semiotika politicheskogo diskursa. Moscow, ITDGK «Gnozis», 326 p. [in Rus].

UDC 30.304.9.

MYTHS IN IDEOLOGY AND POLITICS

Ershov Yuriy Gennadyevich,
Russian Academy of National Economy and Public Administration, Urals Institute of Administration (branch),
Head of the Chair of Philosophy and Politology,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Annotation
The author studies the nature and main characteristics of a myth and their manifestation in up-to-date ideological myths. The tendencies of mythologizing ideology and politics in contemporary Russia are analyzed.

Key concepts:
myth,
Ideology,
power,
politics.